

УДК 811.161.1

В.И. Муминов**ТИПЫ ДИАЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНСТВ И ОСОБЕННОСТИ ИХ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ
В ПОЭМАХ М. ЦВЕТАЕВОЙ**

В данной статье рассматриваются диалогические единства, широко представленные в поэмах М. Цветаевой, описываются особенности их функционирования, проводится наблюдение над авторскими предпочтениями в выборе определенных структур и средств для их реализации.

Ключевые слова: диалогическое единство, идиостиль, многокомпонентность, персонифицированность, поэма.

DOI: 10.35634/2412-9534-2022-32-3-480-486

Речевая деятельность человека – явление сложное, многогранное и многообразное, что проявляется в существовании как бесчисленного множества отдельных языков и диалектов внутри данного языка или говора, так и различных типов и форм речи и обуславливается всем богатым разнообразием факторов, функцией которых является человеческая речь.

Специфика живой разговорной речи особенно ярко проявляется в диалоге, коммуникативной единицей которого считается диалогическое единство – «форма интеракции двух или нескольких собеседников, которые обмениваются репликами-высказываниями (позиция говорящего при этом распадается на две разновидности: «говорящий-инициатор» и «говорящий-репликатор»)), представляющими собой стимулы к реакциям или реакции на стимулы (имеется в виду влияние речи на речь, или предопределенность формы высказывания предшествующим высказыванием), в результате чего говорящими создается определенный общий контекст» [5, с. 28]. Только в единстве и обнаруживается смысловая полнота того или иного отрезка диалогической речи. Например: – *Пошли!.. – Куда? – В магазин. Надо что-нибудь купить* – неполнота первой реплики обуславливает появление второй в виде побуждения к снятию неопределенности, причем наиболее полное содержание второй реплики (вопроса) определяется первой; третья реплика вызвана второй, с ее помощью снимается неопределенность и одновременно устраняется известная неполнота первой.

Язык и стиль поэм М. Цветаевой характеризуется широким привлечением диалогических единств, которые представлены различными структурными объединениями. Диалогическое единство – это наиболее крупная структурно-семантическая единица диалогической речи. Оно может входить в состав диалогического комплекса большого объема, (макродialog, полилог), а может функционировать как диалог минимального объема (микродialog). Диалогическое единство возникает на основе одной речевой ситуации, состоит из речевого действия лица (из двух, трех и более предложений-реплик, тесно связанных между собой по смыслу и структурно; при этом содержание и форма первой реплики определяет содержание и форму второй и так далее, так что в сочетании реплик (смежных пар) обнаруживается необходимая для понимания информации полнота данной части диалога), с которым он обращается к собеседнику, чтобы разрешить с его помощью возникшую проблему, и ответного речевого действия собеседника, которым непосредственно разрешается эта задача. Например: – *Кто был сей? – Му-зы-кант* (Крысолов. В ратуше); – *Дуй и плюнь! Сделай рябь! Что ты видишь? – Корабль* (Царь-Девица); – *Завтра с западу встанет солнце! – С Иеговой порвет Давид! – Что мы делаем? – Расстаемся. – С кем? – Ничего мне не говорит* (Поэма конца).

В первом примере содержание и форма ответной реплики-предложения определяются содержанием и формой первого вопросительного предложения: второе неполное предложение состоит из одного подлежащего, так как в первом вопросительном предложении спрашивается именно о субъекте действия (вопросительное местоимение *кто*); сказуемое же во втором предложении опущено, но оно названо в первом.

Во втором примере ответная реплика состоит из одного дополнения (*корабль*), которого не хватает в первой реплике (но оно представлено в виде местоимения *что*) и которое представляет собой ответ на вопрос, заключенный в первой реплике.

В последнем примере в первой ответной реплике-предложении не хватает главного члена – подлежащего (*мы*), чем вызвана следующая реплика – вопросительное предложение *С кем?* (опущен-

но подлежащее и сказуемое (*мы расстаемся*); наконец, заключительная реплика – неполное двусоставное предложение. Таким образом, полный смысл сообщений извлекается из сочетаний-реплик.

Речевое действие (реплика) – это высказывание, принадлежащее участнику диалога, обращенное к другому лицу и вызывающее у него ответную реакцию (речевую или неречевую). Например: – *Куда ворота? – В счастье, конечно!... – Счастье? Но это же там, – на Севере – где-то – когда-то – простыл и след!* (Сибирь); – *На ангельские звуки, что сделала чета? – Сложила бабка руки. Внук приоткрыл глаза* (Певица).

Если форма высказывания говорящего-инициатора зависит только от его интенции, пресуппозиции, желания отразить определенную внеязыковую ситуацию и т.д., то форма ответной реплики в своей значительной части уже предопределена формой инициального высказывания (это касается состава слов, синтаксической структуры, морфологического выражения отдельных частей ответной реплики и др.) [1, с. 282]. Например: – *А ну-ка, Морфей, / Что – гаммельнцам грезится / Безгрешным, – а ну? / – Востры – да не дюже! / Муж видит жену, / Жена видит мужа / Младенец – сосок, / Краса толстощекая – / Отцовский носок, / Который заштопала... / – А сам бургомистр? / – Что въяве – то в дреме. / Раз он бургомистр, / Так что ж ему, кроме, / Как бургеров зреть, / Вассалов своих? / А сам бургомистр? / – Своих крепостных.* (Крысолов. Сны).

В этом примере повествование представлено в виде диалогического единства, которое можно разбить на инициальные (И) и ответные (О) реплики. Выделены слова, формы и конструкции, подчиняющиеся правилам смежных пар. Вся первая реплика направлена на получение ответной вербальной реакции. Начало реплики с частицы *а* (разговорного междометия *А ну-ка* [3, с. 10; с. 400], выражающего призыв, побуждение к действию) маркирует ее принадлежность диалогу (разговорная частица *ну-ка* выражает побуждение). Употребление этой частицы в диалогической речи всегда сигнализирует об изменении темы. Более точно было бы определить ее значение как выражение очередности реплики. *Ну-ка* – это побудительное слово, требующее продолжения коммуникации. Эту роль частица выполняет параллельно со своей семантической функцией в тексте: побуждая к действию, призывая к ответной реакции, участник диалога демонстрирует свою заинтересованность в продолжении коммуникации. Обращение *Морфей* назначает собеседника на роль слушающего и возможного отвечающего. Вопросительное местоимение *Что* требует распространения в ответной реплике. Смежные пары образуются не только в том случае, когда налицо два участника коммуникации. Внутри диалогического единства фраза репликатора также может требовать ответной реакции: *Раз он бургомистр, / Так что ж ему, кроме, / Как бургеров зреть, / Вассалов своих?*

К основным обязательным средствам связи между репликами можно отнести следующие:

1. Употребление специальных маркеров начала реплики, а также слов, обеспечивающих взаимодействие (междометия, частицы): – *Присягай, визжат, главсвисту! / – Уж и стыд! Уж и срам! / – Не совсем, с лица, на крыс-то... / – Да уж крысы ли впрямь?* (Крысолов. Сны); – *Не правда ли? – Лгнуций, мнуций / Взгляд. В каждой реснице – зуд. / – И главное – это гуца! / Жест, скручивающий в жгут. / – О, рвуций уже одежды / Жест! Проце, чем пить и есть / – Усмешка! / (Тебе надежда / Увы, на спасенье есть!* (Поэма конца).

В диалогической речи реплика обычно не ограничивается только набором слов, передающих конкретную информацию. Начальная часть ее служит для связи высказываний внутри смежной пары, выражения различных эмоциональных отношений, создания определенного впечатления (эффекта), убеждения собеседника в своей заинтересованности. Каждая реплика начинается с частицы или междометия, которые сигнализируют о том, что она принадлежит целому, «вырвана из контекста» [5, с. 32].

Использование специальных маркеров в инициальном высказывании – это действенный прием, который провоцирует собеседника на скорейшую реакцию. Говорящий-инициатор при этом как бы имитирует ситуацию возобновления диалога, даже если коммуникации до этого не было [1, с. 284]. Например: – *Ну-с, братцы, поздравь! / – С чем? – С тем, с чем и вас: / В час. Тайный приказ* (Перекоп. Канун).

Маркеры начала реплики отмечают привязанность высказывания к конкретной ситуации коммуникации. Без маркера во второй реплике трудно было бы восстановить эллипсис сказуемого (у товарища какой-то особый случай, праздник, и с этим его надо (*нужно, следует, необходимо* и пр.) поздравить). Междометная частица *Ну-с* выражает побуждение к действию.

2. Повторы слов, употребление анафорических местоимений: – *Ну-кошь! – Чтой-то темно. – Плюнь на самое дно! Ну-кошь! – Ходко бежит!... – Перстень в масле брось! Ну-кошь! – Рученьки*

врозь... – Полный круг обойди! Ну-кошь! Зорче гляди! (Царь-девица); – Говорят, что он в зеленом! – Где же он? – Я иду за звоном. – Он в жару меня баюкал. – Где же он? – Я иду за звуком. – Я за красною фатой. / – Я за старшей сестрой... – Я – за дальним. Я – за крайним. / – Я – чтоб детство наверстать. (Крысолов. Детский рай); – Но никакого дома ведь! – Есть, – в десяти шагах: / Дом на горе. – Не выше ли? – Дом на верху горы (Поэма конца); – Что же снится? что же снится / Бургомистру? – Ничего (как с жир-горы / Пот-то!); то есть: бургеры... – Что же снится? что же снится / Бургомистрше?... / – Бургеры, / ей – бургерши... – Что же снится? что же снится / Дочке бургомистровой? – Запахи, шепоты... / Все – и еще что-то! (Крысолов. Сны; – Кто ваш муж? / – Му-зы-кант... – Кто ваш зять? / – Му-зы-кант... – Кто был сей? / – Му-зы-кант (Крысолов. В ратуше).

Повторы слов и целых отрезков предшествующей реплики в диалоге неизбежны: они выполняют разнообразные функции (стилистические, связующие), сигнализируя о включении собеседника в процесс коммуникации и о том, что его внимание все еще сосредоточено на репликах партнера. Повторы дают собеседнику возможность обдумать информацию, подготовить содержательную часть ответа и адекватно отреагировать.

3. Подбор соответствующих ответных конструкций при употреблении вопросительных слов: – (который) Час? – Седьмой. / – В кинематограф, или?... – Взрыв: – Домой! (Поэма конца); – Что есть музыка? – Щебет птах! / Шутка! Ребенок сладит! / – Что есть музыка? – Шум в ушах... (Крысолов. В ратуше); – Без судорожных «где ж ты?»... / – В Психеином дворце. (Попытка комнаты).

При употреблении вопросительных слов участники коммуникации соблюдают как грамматические, так и семантико-прагматические замены: постановка ответного выражения в форму, согласованную с вопросительным словом, соблюдение синтаксической связи и др.

4. Употребление «переменных» морфологических характеристик (морфологическое варьирование) в эллиптических ответных реплика: – У меня *отсыхает* хвост. / – У меня – так совсем *отсох*... – У меня *оседает* зад. / – У меня – так совсем *осел*... / – Чудо ж делают, не *присев*: / Перепев. / – *Пересест!* Не жалейте *насиженных* мест! (Крысолов. Увод); – Где ж он? – Я иду за звоном... / – Где ж он? – Я иду за звуком... / – Я – за дальним... / – Я – чтоб детство наверстать. / *Не остаться.* / *Не отстать*... / – Потому что все *идут*. / – Потому что все *идет!*.. / – Где ж он?... / – Все *идут*, и я *иду*. (Крысолов. Детский рай); – *Не любите?* – Нет, *люблю*. / – *Не любите!* (Поэма конца).

Морфологическое варьирование ответных реплик выражается в том, что в них опускается значительная часть информации, которая уже известна из реплики инициальной. Повтор инициального предложения целиком будет считаться нарушением правил и подчинен особым коммуникативным целям. Ответом на вопрос могут служить слова-предложения (*да, нет, конечно, ладно* и др.), особые формулы вежливости. Например: – В эдаком *фартучке* / *Девоньку?* – *Так-таки*. / – С *коробом почестей* / *Девоньку?* / – *В точности*. (Крысолов. В ратуше); – *Последнейшая из просьб*. / – *Прошу*. – *Никогда ни слова* / *О нас...* *Никому из...* / – *О том же и вас просила б*. / – *Колечко на память дать?* / – *Нет*. (Поэма конца).

Набор информационных блоков, которые пропущены в репликах, определяется с прагматических позиций. Доля информации, выраженной вербально, не всегда превышает ту часть, о которой слушающий должен догадаться, исходя из ситуации речи. Общий характер диалогического единства обуславливается особенностями соотношения реплик.

Диалогическое единство может быть как угодно большим, но основу его, как правило, образует соединение, сочетание двух реплик (ядро, ячейка, тандем, смежная пара, диалогический минимум), точнее, одной пары реплик: реплики, содержащей стимул, и реплики, содержащей реакцию собеседника. Реплика-стимул может представлять собою утвердительное суждение или вопрос. В сущности, то же самое справедливо и для реплики-реакции с той лишь оговоркой, что утверждение может становиться отрицанием (отрицание оканчивается утверждением противоположного), а вопрос обретает различные смыслы и функциональные значимости. Исходя из этого можно назвать следующие типы диалогических единств:

1. Унисонный (обе реплики выражают утверждение, одна дополняет содержание другой): – *Одна трата!* – *То-то оно-то!* / *Две гранаты!* / *Два перелета*. (Перекоп. Проектор); – *Как мой папа – на Перекопе* / *Шесть недель – ежиков ел!* / *Скажет мать:* – *Евшему – слава!* *И не ел, а жрал*. (Перекоп. Вал); – *Гетто избранничества!* *Вал и ров.* – *По-щады не жди!* – *В сем христианнейшем из миров поэты – жиды!* (Поэма конца).

2. Poleмический: а) *противительно-ограничительный* (вторая реплика содержит отрицательную реакцию; сообщается о таких событиях, которое ограничивает проявление первого, мешает ему, или уточняет его, опровергая в какой-то части)): – *Индостан! / Грань из граней, страна из стран!... Пагоды купола! / Что-то синим-синё! / Рисовые поля! / Пальмовое вино!... Индия! Первый крик / Твари. Вперись, поэт: / Миру четвертый миз! – Что-то – будто бы – точно – вид / Этой местности мне знаком, / чем-то пагода на закром / Смахивает... Что за Индия, где овин / На овине... / и амбар / На амбаре... – Водопои. / Дальним – варево и постой. Спят и пьют. – Говорю вам, что это – пруд... Лужица! ...* (Крысолов. Увод.); – *Он! – За ним? – Он же! – Ну, а за? – Он же... – Джаным! – Здесь – нельзя. / Увези меня за / Горизонт!..* (Крысолов. Увод.); б) *контрастный, сравнительный (сравнительно-противопоставительный / сопоставительный), конкурсно-состязательный* (сообщение, заключенное во второй реплике, контрастно сопоставляется с сообщением, заключенным в первой реплике (сравнивается и/или противопоставляется ему); характерно наличие противоположных или противоречащих друг другу по своему значению слов (обычно противопоставляются их предикативные признаки, действия, свойства); вторая (ответная) реплика содержит реакцию-конкуренцию, оспаривает первенство в предполагаемом конкурсе, поэтому выступает с усилительным контрастным значением: – *У меня отрастает живот: / До колен, как у царских крыс. – У меня – так совсем отвис. – У меня разминулись жилет / С животом: не разлад, а брешь. – У меня объявилась плешь... – Без слуги не влезаю в башмак... – Хорошо без сапог!... – У меня отсыхает хвост... – У меня – так совсем отсох... – У меня заплывает глаз... – У меня – так совсем затек... – У меня оседает зад... – У меня – так совсем осел / До земли...* (Крысолов. Увод.).

3. Уточняющий (во второй реплике содержится частица *то есть*, которая выражает удивление, непонимание, просьбу разъяснить сказанное (частица *как* усиливает значение удивления, негодования, сомнения, а частица *что ж(е)* подчеркивает значение вопроса), или частица *именно (собственно)*, которая подчеркивает необходимость более точного указания; употребляются при переспросе, вопрос направлен на логическое содержание стимула (на его диктум)): – *Щеки – мак, / Брови – еж: – То есть – как? То есть – что ж? – (Полка с мопсами / В лавке глиняной!) – Что же – собственно? / Что же именно?* (Крысолов. В ратуше).

4. Эмоционального отказа (вопрос оказывается эмоциональной реакцией): – *Колечко на память дать? – Нет... – Но книгу тебе? – Как всем? / Нет, вовсе их не пишете, / Книг... (Поэма конца).*

5. Вопросно-ответный (вторая реплика продолжает незаконченную первую; чередование вопроса и положительного ответа): – *Отчего душа теснится, грудь для вздоху мала? – Оттого, что Чудо-Птица в ней гнездо завила. – Отчего на бабьи речи весь – как ржавый замок? – Оттого, что узкоплечий не по гостье – домок!.. – Чьи хаты? – Бариновы! – Ло-паты? – Бариновы! – За-платы? – Бариновы! – Ре-бя- ты? – Бариновы!.. – Чьи ножки? – Бариновы! – Се- режки даренные. – Бариновы! – Чьи ночки? – Бариновы! (Поэма конца); – Что ж не спишь опять? – Не сплю, не дремлю, дрему, радужную птицу, ловлю... (Царь-Девица); – Понимаешь? – Понимаю. – Не продашь? – Не продаю. (Перекоп. Перебежчики).*

6. Побуждение – согласие / несогласие собеседника (реплики-реакции могут строиться с помощью частиц и их эквивалентов, большая часть из которых утвердительная (модальное значение согласия); во второй реплике выражается согласие/несогласие с утверждением, заключенным в первой): – *Вы слишком много думали. – Да. (Поэма конца); – В эдаком фартучке / Девоньку? – Так-таки. – С коробом почестей / Девоньку? – В точности.... – С кузовом серебра – / Девоньку? – Сеяли! – Полную житницу / Девоньку? – Жните же! (Крысолов. В ратуше); – Дай подушечку поправлю! – Я и сам примощусь! – Как же так тебя оставляю? – Я и сам обойдусь! – Ай пониже? Ай повыше? – Мне твой вид постыл!... – Али ручки не белы? – В море пена белей! – Али губки не алы? – В море зори алей! – Али грудь не высока? – Мне что грудь, что доска! – Можно рядушком прилечь? – Постеля узка! (Нет)... – Пой, сыночек, на здоровье – Нет уж, – не до колыбельной!... – Спи, сыночек, час-то сонный! – Нет уж, дядька, не до сна тут! (Царь-Девица) – в диалогическом единстве нечлененое предложение «Да» или «Нет» используется как с пояснительным текстом, следующим непосредственно за репликой согласия/несогласия, так и без включения его в ответное высказывание. Контактный повтор таких единиц свидетельствует об эмоциональном восприятии полученной информации и подчеркивает выразительность реплики.*

Реплика «Да» или «Нет» может распространяться частицами, междометиями, вносящими различные эмоциональные и смысловые оттенки, модально-вводными словами, отражающими отноше-

ние адресата к предыдущему высказыванию. В качестве слов с акцентирующим значением выступают модальные слова *правда, конечно, разумеется, верно* и другие, находящиеся в постпозиции по отношению к нечленному предложению (реплик «**Да**» близок по своим семантическим функциям конструкции «*Ага – Угу*»). Эквивалентами же являются высказывания *Так-таки, В точности, Факт, Не иначе, Точно, Так точно, Именно, И то, А то, Как раз (же) – Не факт, Никак нет, Ничего подобного, Ничуть, Черта с два, Дудки* и другие, которые выражают согласие/несогласие с оттенком подтверждения/отрицания, отказа. Реплики со значением согласия/несогласия включают единицы речевого этикета и слова-акцентуаторы. Неуверенное согласие/несогласие с оттенком сомнения образуются репликами «*Вроде того*», «*Вроде бы так*», «*Вроде бы*», «*Будто бы*», которые не поясняются дополнительным текстом и распространяются лексическими компонентами. Релятивы «*Ладно*», «*Слаженно*», «*Хорошо*», «*Идет*», «*Браво*» в диалогических единствах употребляются со значением согласия и осложняются междометиями, частицами, которые способствуют проявлению смысловых и эмоциональных оттенков. Например: – *Любовь – это значит: жизнь. – Нет, иначе называлось / У древних... – И так?... – Последнейшая из просьб. – Прошу... Колечко на память дать? – Нет... – Можно до дому? – В последний раз!* (Поэма конца); – *Все мы белые? – Все* (Крысолов. Напасть); – *Как ни тшусь: / Что-либо, кроме гаммы – / Беспоследственно. – Факт есть факт: / Музыка есть антракт* (Крысолов. В ратуше); – *Школьник? – Вздор.* (Детский рай); Шепоток вдоль стен: / «*Что бы ему взамен?» – Эврика! В руки бейте! / Коль по призванию он флейтист, / Значит – футляр на флейту! – Слажено! Сложено! – В траты не сунулись, / Чтоб от души... – Браво! Подписано!* (Крысолов. В ратуше).

7. Сообщение – ответная речевая реакция собеседника (реплики связаны одним предметом мысли, представляют собой высказывания по поводу него; – *Говорю вам, что это лжец, лжец, агент! – Лжет не Музыка – инструмент! – Обман и стыд! – Лжет не музыка – музыкант! Обособь! – Говорю вам, что это топь, гать! – Пусть так! Лучшие музыка, чем мышьяк!* (Крысолов); – *Наша улица! – Уже не наша... – Сколько раз по ней... – Уже не мы...* (Поэма конца); – первые реплики, открывающие диалогические единства, противопоставляются другим членам этого единства по признаку «самостоятельности». Последующие реплики ориентированы на словесный и грамматический состав первой реплики, которая в своих формах относительно самостоятельна. Обмен репликами ведется на основе согласия/несогласия с высказываниями о предмете общения (с наибольшей отчетливостью это представлено в тех случаях, когда функции второй реплики сводятся только к подтверждению или отрицанию того, что было сказано в первой; использование утвердительного или отрицательного элементов): – *Я сын тебе, а ты мне – мать. Взошел я ветром подышать. Морскую речь послушать... – Ты баб до времени не старь. Царица я, а ты мне – Царь!... – Эй, старый, послушь-ка: вот сон-то приспел! Как будто кукушку я взял на прицел! Пусть зря не тоскует! Зажмурил глазок... И слышу – кукует до трех до разов. – То не пташечка-кукушка куковала, то твоя подружка тосковала* (Царь-Деввица).

8. Диалогическое единство с репликой-повтором: – *Ну-кошь? – Чтой-то темно. – Плюнь на самое дно! – Ну-кошь! – Ходко бежит!... – Перстень в масле брось! Ну-кошь! – Рученьки взрыз... – Полный круг обойди! Ну-кошь! Зорче гляди!* (Царь-Деввица).

9. Диалогическое единство с репликой-подхватом: – *Что ж, краса, мне за работу кладешь? – Положу тебе шесть сот соболей. – Мне плевочек твой единый милей! – Скот заморского сукна на кафтан. – Из сукна того скатай сарафан! – Так червонец нагружу чугунок. – Дешев, дешев тебе царский сынок!* (Царь-Деввица); – *Не любите? – Нет, люблю. – Не любите!. – Помидуйте, это – дом? – Дом – в сердце моем. – Любовь, это плоть и кровь. Цвет – собственной кровью полит. – Вы думаете, любовь – беседовать через столик?... – Любовь, это значит... – Храм?* (Поэма конца).

10. Повествование – повествование (начало мысли и ее продолжение): – *Наша улица! – Уже не наша... – Сколько раз по ней... – Уже / не мы... – Прошу не смотрите!... – Говорю, не надо глядеть!!!... – Милый, уйдемте, плакать начну* (Поэма конца); – *Любовь – это все дары... / И прежде всего одна / Постель. – Вы хотели: пропасть / Сказать?* (Поэма конца).

11. Диалогическое единство со встречным вопросом: – *Ты?! – Что? – Да не может?! – Не может? Почему ты так решил?* (Перекоп. Выход); – *Не топчите золотого пастбища! / – Нас? – Да разве спасают – спасшихся?* (Лестница); – *Земляк? – стрелять буду! / – Земляк? – плати тем же!* (Перекоп. Дневальный); – *Воевать хотел бы в сене? – Я? Не знаю.* (Крысолов. Детский рай); –

... за продовольствием: *что есть – / Коль есть что... – Разве – слез / Вам, господин поручик?* (Перекоп. Сирень).

12. Диалогическое единство с модальной реакцией на вопрос: – *Слепец... / Обратно не отдашь? – Почему нет?... – Можно на гору? – Почему же нельзя?* (Поэма конца).

Диалогические единства в поэмах М. Цветаевой отражают такую специфическую особенность, как многокомпонентность (не просто структурное, но и семантическое усложнение: увеличение количества информации, сочетаемость большого числа «речевых смыслов», появление новых связей и отношений между ними и т.д.). Поэма охватывает большее число героев и персонажей, нежели стихотворение, которое является более мелкой единицей в членении произведения лирического рода и жанра. Множество персонажей, героев поэм вступают друг с другом в общение, в результате которого возникает диалогическое единство. [2, с. 42-43]. Например: – *Не будет Девы-нам-Царя!... – Дева! Дева! Дева!... – Царь наш! Царь!... – Сам Михаил-Архистратиг! – Здорово, стан сильномогучий! (Царь-Девница); – Даром молодость с вами гублю! Много в чаще деревьев, по лощинкам — чудес, а настанет беда — протрублю... Где ты, храбрый боец? Не струсил ли с тобою беда? – Я в холодной воде ...И плыву — сам не знаю куда!... – Что здесь делается? Почему на тебе чешуя? – Потому чешуя, что сей добрый отец сочетал меня с Девой Ручья....[Робин Гуд и маленький Джон].*

Реплики в поэмах всегда направлены определенному адресату. Так как читателю необходимо ориентироваться в ситуации и четко определять, кому из персонажей принадлежит та или иная реплика в составе диалогического единства, то для автора очень важно указать на это в собственных словах. Поэтому в поэмах реплики, как правило, персонифицированы, имеют определенные элементы ввода или вывода (реплики, которые не имеют элементов ввода или вывода, представлены в поэмах крайне редко), и оказывается ясным, кому из персонажей они принадлежат. Например: *Стук, дыханья осторожней. – Дома? – Дома. – Можно? – Можно. Торс виденья неподвижней. – Это – я: сосед Ваш нижний. К Вам от бабушки. – Гвоздики жгут — как светоч вознеся: – Ну, и тьма ж у вас! – Входите. Лампы нет, а свечка — вся. Первая пройду. Вы — следом...*(Певница).

Нередко автор не только комментирует слова своего героя, но и сам принимает непосредственное участие в ходе сюжета (участие автора). При этом в поэме нет того отождествления с лирическим героем, которое присуще стихотворению. Кроме того, в поэмах возможны особые случаи введения реплик, которые не используются в стихотворениях. Например: *Мальчиком, бегущим резво, / Я предстала Вам. / Вы посмеивались трезво / Злым моим словам: / «Шалость — жизнь мне, имя — шалость! / Смейся, кто не глуп!» / И не видели усталость / Побледневших губ. / Вас притягивали луны / Двух огромных глаз. / – Слишком розовой и юной / Я была для Вас! (Мальчиком, бегущим резво); – Очнись! – Не хочу!... – Беги, девка, из хаты! Спасай душу! Твamu брату и так хорошо! – На кой мне душа!... – Невестенька! Стряхни мечту! Гони версту! Беги к попу! (Молодец).*

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Воейкова М.Д. Вариативность морфологических характеристик и предиката в вопросо-ответных единствах (на материале русского языка // Проблемы функциональной грамматики. Категории морфологии и синтаксиса в высказывании. С-Пб.: Наука, 2000. 346 с.
2. Муминов В.И., Непомнящая Н.С. Диалогические структуры в поэмах М. Цветаевой // Филологический журнал. – Вып. № 24. Южно-Сахалинск: изд-во СахГУ, 2020. С. 41-43.
3. Словарь наречий и служебных слов русского языка / сост. В.В. Бурцева. М.: Рус.яз. Медиа, 2005. 750 с.
4. Цветаева М. И. Полное собрание сочинений в 7 томах. Т. 4. Поэмы. М.: Сов. Россия, 1994. 623 с.
5. Шведова Н.Ю. К изучению русской диалогической речи // Вопросы языкознания. 1956. №2. С. 25-44.

Поступила в редакцию 29.12.2021

Муминов Владимир Исмаилович, кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского языка и литературы ИФИИВ,
ФГБОУ ВПО «Сахалинский государственный университет»
693008, Россия, г. Южно-Сахалинск, ул. Ленина, 290
E-mail: lingua-star@inbox.ru

V.I. Muminov

TYPES OF DIALOGICAL UNITIES AND FEATURES OF THEIR FUNCTIONING IN POEMS

BY M. TSVETAeva

DOI: 10.35634/2412-9534-2022-32-3-480-486

This article discusses the dialogical units, widely represented in the poems of M. Tsvetaeva, describes the features of their functioning, is observed over the author's preferences in the choice of certain structures and means for their implementation.

Keywords: dialogical unity, poem, multicomponent, personification, idiostyle.

REFERENCES

1. Voejkova M.D. Variativnost' morfologicheskikh kharakteristik i predikata v voprosno-otvetnykh edimitsakh (na materiale russkogo yazyka) [Variation of the morfological characteristics of the predicate in question-answer unities (based on the material of the Russian language)] // Problems of functional grammar. Categories of morphology and syntax in statement. St. Petersburg: Science, 2000. 346 p. (In Russian).
2. Muminov V.I., Nepomnyashchaya N.S. Dialogicheskije struktury v poemach M. Tsvetaevoy [Dialogic structures in poems by M. Tsvetaeva] // Philological jurnal. Issue № 24. Yuzhno-Sakhalinsk: publ. SACHGU, 2020. Pp. 41-43. (In Russian).
3. Slovar' narechij i sluzhebnykh slov russkogo yazyka [Dictionary of adverbs and official words of the Russian language / comp/ V.V. Burtseva]. M.: Rus. Lang. Media, 2005. 750 p. (In Russian).
4. Tsvetaeva M.I. Polnoje sobranije sochinenij v 7 tomakh [Complete works in 7 volumes. T. 4. Poems]. M.: Sov. Russia, 1994. 623 p. (In Russian).
5. Shvedova N. Yu. K izucheniju russkoj dialogicheskoy rechi [To the stude of Russian dialogical speech] // Questions of lingvistics. 1956. No. 2. P. 25-44. (In Russian).

Received 29.12.2021

Muminov V.I., Candidate of Philology, Associate Professor
at Department of Russian language and literature of the Institute philology, history and oriental studies
Sakhalin State University
Lenina st., 290, Yuzhno-Sakhalinsk, Russia, 693008
E-mail: lingua-star@inbox.ru